

—...поэтому с тобой нужно покончить без промедления! — ледяной голос Годжо Хары долетел до разума Дзёго с опозданием.

Вспышка «Синего» мгновенно поглотила проклятого духа особого ранга, сокрушив его тело до основания. В руках Хары осталась лишь оторванная голова-вулкан.

Остаться без тела для проклятого духа особого ранга — еще не смерть. Их живучесть поражала: дай Дзёго немного времени, и он бы заново отрастил плоть. Но в железной хватке Хары проклятая энергия утекала сквозь пальцы, не позволяя запустить регенерацию. Обезглавленный, зажатый в кулаке врага, монстр всё равно хрипел с яростным упрямством:

— Будь ты проклят, Годжо Хара!.. Я просто оступился, дал тебе фору! Пускай сегодня я сгину — на моё место придут тысячи других! Через сто лет люди исчезнут, и на этой земле будут править проклятия. И мне плевать, буду ли я среди них!..

Хара лениво огляделся, подобрал с земли кусок арматуры и без лишних слов забил его поглубже в раскрытую пасть Дзёго, обрывая пафосный монолог.

«Хватит с него. А то несёт всякую чушь, будто я здесь главный злодей»

Дзёго с яростным скрежетом перекусил стальной прут, пережевал его в крошку и выплюнул под ноги шаману.

— Хорошие зубы, — искренне восхитился Хара.

От такого оскорбления из кратера на макушке и ушных отверстий Дзёго со свистом вырвались яростные струи пламени.

Хара задумчиво потер подбородок:

— А ведь из тебя вышел бы отличный портативный очаг...

Приспособить такую штуку под гриль или котелок для хого — милое дело. Жаль, под рукой не нашлось подходящего проклятого объекта, способного запечатать и подчинить проклятого духа особого ранга. Но если бы эту живую печку поглотил Сугуру Гэто своим манипулированием...

«Брат, я сегодня не вернусь домой, мы у Сугуру хого варим!»

«Братик, у меня куча дел! Сугуру позвал меня на барбекю. Ну, на том самом проклятии-печке, которое ты ему подарил. Шашлык получается — пальчики оближешь!»

Перед мысленным взором Хары во всех красках предстала трагическая картина: коварный Гэто с помощью этого ручного вулкана выманивает младшего братишку из дома, оставляя его, несчастного старшего брата, коротать вечера в полном одиночестве.

— Нет уж, — пробормотал Хара. — Пожалуй, просто сотру тебя в порошок.

Дзёго, уловив угрозу в его бормотании, в ужасе сузил единственный глаз. Но прежде чем Хара успел сжать кулак, вокруг них внезапно распустилось бескрайнее море цветов, окутывая шамана дурманящим ароматом.

На мгновение жажда убийства, направленная на Дзёго, бесследно рассеялась под действием усыпляющей техники. Хара тряхнулся, избавляясь от наваждения, и мертвой хваткой вцепился прямо в глазной нерв Дзёго. Его взгляд устремился на незваного гостя — проклятого духа с уродливыми ветвями вместо глаз, который пытался вырвать голову товарища из его рук.

— Надо же... Впервые кто-то пытается забрать у меня добычу, — ухмыльнулся Хара. — Ах да, ты ведь не человек. Значит, это первое проклятие, решившее посягнуть на мою собственность.

Уголки губ Хары поползли вверх, обнажая хищный оскал:

— Так не пойдет.

Вокруг него ураганом взметнулась колоссальная, поистине бездонная проклятая энергия. Плотный поток силы, хлынувший во все стороны, в мгновение ока поглотил древесную тварь.

— Это мой трофей!

— Ханами! — в отчаянии взревела голова Дзёго.

Но против сокрушительного прилива проклятой мощи Ханами была бессильна. Древесная дева не только не сумела вырвать товарища из плена, но и сама начала распадаться. Проклятая энергия Хары за секунду выжгла её дотла, стирая саму сущность проклятого духа из этого мира.

Дзёго оцепенело уставился на пустое место. Ни присутствия, ни остаточного следа — Ханами исчезла навсегда, оставив после себя лишь горстку пепла.

— Ты... ты убил Ханами! — дикий, полный жгучей ненависти вопль вырвался из глотки Дзёго. Он попытался выжать последние крупички проклятой энергии, чтобы взорвать себя вместе с обидчиком.

Для Хары эта отчаянная попытка суицидального подрыва выглядела нелепо. Всё равно что

гасить едва тлеющий уголёк — он просто щелчком пальцев развеял зародившуюся искру, без труда подавив чужую волю.

«А жаль. Какая знатная печка пропала»

Хара мог бы пощадить Дзёго и сохранить ему жизнь ради экспериментов, но этот безумный коротышка явно не собирался идти на компромиссы. Оставлять за спиной столь опасную и агрессивную тварь посреди полыхающей Сибуй означало плодить лишние проблемы. Поэтому, недолго думая, Хара окончательно раздавил голову Дзёго, оборвав его существование.

Со смертью хозяина пламя, охватившее небоскреб, лишилось подпитки. Огонь стал быстро угасать, а оставшиеся очаги Хара без труда затушил собственной проклятой энергией, просто перекрыв доступ кислорода за счет Безграничности.

Сколько людей успело погибнуть внутри полыхающего ада, оставалось только догадываться. С помощью Шести Глаз Хара мгновенно запеленговал выживших, вытащил их из-под обломков телепортацией и на ходу подлечил Обратной проклятой техникой. Сгрузив спасенных перед Хагиварой Кэндзи, он отдал четкие указания:

— Кэндзи, забирай их и уводи из Сибуй. Барьер, заперший гражданских, я уже разнёс в щепки. Всех проклятых духов по пути к выходу я зачистил, так что двигайтесь по этой дороге — там сейчас абсолютно безопасно.

Он в подробностях описал Кэндзи безопасный маршрут, которым пришел сам.

Кэндзи, своими глазами наблюдавший, как играючи Хара стёр с лица земли двух кошмарных монстров, верил ему безоговорочно. Он кивнул и серьезно произнес:

— Понял, Хара-кун. Дзинпэй с ребятами разбили временный лагерь вон в том направлении. Не знаю, насколько там сейчас спокойно, так что вся надежда на тебя.

— Договорились, я проверю, как они там, — пообещал Хара.

— В таком случае... пусть воинская удача сопутствует тебе, Хара-кун! И береги себя, — твердо добавил полицейский.

Разумеется, он знал, что перед ним сильнейший маг современности, но человеческую тревогу за друга никто не отменял. И всё же сейчас Кэндзи понимал: единственное, чем он может помочь — это увести людей подальше и не путаться под ногами.

С лёгкой, ободряющей улыбкой Кэндзи увлек за собой уцелевших горожан. Буквально пары фраз хватило этому харизматичному парню, чтобы унять панику среди измученных людей и заставить их беспрекословно следовать за ним к спасению.

Хара стремительно направился к указанному убежищу. Простая логика подсказывала: огромная толпа беззащитных людей испускает столько эманаций страха, что работает для проклятий как неоновый маяк в ночи.

Добравшись до места, Хара не поверил собственным глазам. На площади перед торговым центром скопилось не меньше десяти тысяч человек — казалось, сюда стеклась добрая половина Сибуй. Но еще больше его поразили дежурившие по периметру полицейские во главе с Мацудой Дзинпэем. Обычные люди, вооруженные лишь дубинками и обломками железных прутьев, отчаянно держали оборону против порождений тьмы.

Лишенные проклятой энергии и техник, они физически не могли уничтожить монстров, однако грубой силой и слаженными действиями умудрялись отбрасывать прочь мелкую нечисть четвертого ранга.

Единственную реальную угрозу в Сибуйе представлял дуэт высших проклятых духов, с которыми Хара уже покончил. Прочая шваль едва ли заслуживала внимания — в основном это были слабые проклятые духи третьего и четвертого рангов, соткавшиеся из паники запертых под Завесой людей, которые внезапно обрели способность видеть сверхъестественное.

Слабые проклятые духи всё еще оставались опасными для обывателей, но когда враг перестал быть невидимым, слаженные группы испуганных, но дееспособных людей вполне могли держать их на расстоянии.

К моменту прибытия Хары оборона держалась на удивление крепко. Люди не поддались стадному страху, а действовали сообща, выстроив вокруг лагеря живой щит.

Появившись на границе защитного периметра, Хара небрежным щелчком пальцев стер в порошок снующую поблизости мелочь. Его внимание привлекла странная картина чуть поодаль: черноволосая старшеклассница гоняла проклятого духа второго ранга, словно послушную дворнягу на тренировочной площадке.

Монстр непрерывно бубнил под нос безумное «взорву, взорву к чертям!», явно народившись из страха перед терактами. Однако, вопреки ожиданиям, арсенал атак проклятого духа оказался на редкость скудным — тварь лишь бестолково клацала зубами да пыталась достать девчонку когтистыми лапами.

Школьная форма на девочке была слегка порвана, но её физическая подготовка поражала: поразительная гибкость, молниеносная реакция и безупречное чувство баланса. Вдобавок на её шее висел защитный амулет-омаори, заряженный лично Харой. Умело используя складки местности, она увела монстра подалее от толпы, путала его след среди бетонных завалов и периодически переходила в контратаку — каждый её удар кулаком, зажимающим амулет, отзывался вспышками очищающей энергии, оставляя на туше проклятия глубокие ожоги.

Хара искренне удивился. Видеть такую хладнокровную тактическую выучку у обычной школьницы было в диковинку. Пожалуй, по части боевых рефлексов она легко дала бы фору

доброй половине лицензированных шаманов.

— Кто эта юная леди, устроившая показательный забег с проклятием второго ранга? — с любопытством поинтересовался Хара у подбегавшего Мацуды. — Потрясающая техника рукопашного боя.

Мацуда смерил его мрачным взглядом:

— Ты нашел время расспрашивать! Помоги ей лучше! Ран Мори уже из последних сил держится!

— С ней всё будет в порядке, — невозмутимо отозвался Хара. — Неужели не видишь? Девчонка намеренно использует этого монстра как спарринг-партнера для отточки приемов.

Мацуда присмотрелся к Ран. Действительно, её движения стали плавными и расчетливыми, былого напряжения не осталось и следа. Она уклонялась от когтей с пугающей легкостью.

— Рядовой проклятый дух второго ранга, — лениво прокомментировал сильнейший шаман. — Мозгов нет, тактика прямолинейная, бьет только в упор. Пока защитный барьер моего омамори цел, эта тварь не сможет даже поцарапать юную мисс.

К тому же Ран регулярно улучшала моменты для контратак, впечатывая кулак с зажатым омамори прямо в уродливую морду преследователя, отчего тот постепенно слабел.

— То есть она сама сможет его завалить? — с надеждой спросил Мацуда.

Хара покачал головой:

— Исключено. У проклятых духов слишком высокий темп регенерации. Крошечного заряда энергии, который я запечатал в защитную безделушку, не хватит для полного уничтожения ядра.

Главная задача амулета — оберегать носителя, поэтому почти весь ресурс тратится на поддержание непробиваемого купола. Бить чудовище кулаком с омамори — всё равно что снимать стружку с векового дуба карманным ножиком. Урон есть, но для победы этого мало.

— Но дай ей в руки приличное проклятое оружие — и она без труда развеет этого уродца по ветру, — с явным одобрением заключил Хара.

Пусть эта тварь и поднялась до второго ранга совсем недавно, отличаясь тупостью и медлительностью, для обычного человека она оставалась смертельной угрозой. Тот факт, что школьница-немаг в одиночку вела этот бой с проклятым духом, заслуживал глубокого

уважения.

Хара хотел дать девочке еще немного попрактиковаться, но тут из полуразрушенного переулка выскочил взмыленный Конан Эдогава. Мальчишка, чье лицо было непривычно бледным и серьезным, бросился к Мацуде, но заметив стоящего рядом шамана, просиял от облегчения:

— Господин Хара! Вы здесь! Какое счастье!

Понизив голос до шепота, Конан взволнованно заговорил, переводя взгляд с Хары на Мацуду:

— Беда. В декоративных хэллоуинских тыквах вдоль всей улицы дальше по курсу заложена жидкая взрывчатка! Заминирована буквально каждая декорация. Это почерк Пламени, точно её излюбленный двухкомпонентный состав!

Как оказалось, Конан отлучался, чтобы найти способ подсобить Ран, отвлекающей на себя внимание монстра. Однако вместо оружия или ловушки он наткнулся на этот смертоносный сюрприз, упрятанный в безобидные пластиковые тыквы.

Один из таких хэллоуинских светильников мальчик прихватил с собой и теперь бережно протянул профессиональному сапёру Мацуде для осмотра. Поначалу у юного сыщика была шальная мысль использовать самодельную мину против проклятия, но с появлением величайшего мага необходимость в столь рискованном и непредсказуемом оружии отпала сама собой.

Передав опасный груз, Конан нетерпеливо запрыгал на месте, силясь разглядеть что-то за спинами обступивших площадь людей. Рост не позволял увидеть ровным счетом ничего.

— Как там сестрица Ран? С ней всё хорошо?

Заметив, как помрачнел Мацуда при виде начиненной жидким реагентом игрушки, Хара небрежно вскинул руку. Пространство перед его указательным пальцем исказилось — крошечная, едва заметная искра «Синего» пробила воздух на сверхзвуковой скорости и точно разнесла ядро проклятого духа, кружившего вокруг Ран. Тварь мгновенно лопнула, обратившись в ничто.

Хара подхватил Конана за шиворот, приподняв на уровень глаз:

— Показывай дорогу. Где эта пиротехника?

Кто такая эта террористка по кличке Пламя и связана ли она с ублюдками, устроившими засаду на него и Сатору, Хара не знал. Но раз уж он вытащил из пекла столько людей, глупо будет позволить какому-то заезжему взрывнику свести все усилия на нет. Придется разобраться с угрозой лично.

Благодаря Безграничности взрывы для него самой опасности не представляли. На крайний случай всегда можно растянуть барьер Мукагэн на всю площадь, укрыв куполом толпу выживших. Ну разнесет взрывной волной пару кварталов Сибуи — плевать, пускай старики из Главного совета магов сами отдуваются перед правительством и выбивают бюджеты на реконструкцию. В конце концов, его дело — спасти жизни, а не работать благотворительным фондом по восстановлению муниципальной собственности.

Ориентируясь по указаниям болтающегося в руке Конана, Хара совершил серию мгновенных перемещений, за секунды собрав все заминированные тыквы в одну кучу посреди пустыря.

Но стоило ему запечатать взрывчатку пространственным барьером Безграничности, готовясь швырнуть этот ком в облака для безопасного подрыва, как за его спиной раздался тихий, вкрадчивый голос:

— Грядущий час, былое, предвидение!..

Отзвуки этого странного заклинания заставили Хару оцепенеть. Разум внезапно пронзила чужеродная ментальная вспышка, и перед глазами бешеной чередой завертелись картины.

\* «Двадцать четвертое декабря. Синдзюку. Смертельная битва между его младшим братом Сатору и Рёмэном Сукуной, овладевшим телом юного Мэгуми Фусигуро»\*

Хара попытался сбросить наваждение, разорвать ментальную связь, но неведомая сила затянула его сознание на самую глубину. Он больше не принадлежал себе — воля оказалась парализована, заставляя жадно впитывать каждую деталь кошмарного будущего.

\* «Сатору... Весь израненный, истекающий кровью под безжалостным шквалом невидимых разрезов, судорожно, раз за разом задействующий Обратную технику, чтобы удержать угасающую жизнь в изуродованном теле...»\*

Ярость, черная и всепоглощающая, затопила душу Хары. Вены на его висках вздулись, зубы сжались с такой силой, что послышался хруст. Ему хотелось закричать, пробить эту невидимую стену времени, ворваться туда и собственными руками разорвать двуликого ублюдка на куски.

\* «А затем... рассеченное пополам тело. Верхняя половина Сатору рухнула на окровавленные камни, пока ноги всё еще продолжали стоять. Те самые небесно-голубые глаза, всегда искрившиеся бесконечной уверенностью и озорством, медленно застилала безжизненная пелена смерти»\*

Дикая, невыносимая боль вперемешку со всепоглощающим гневом рванула изнутри, едва не расколов разум мага на части. С этим ментальным криком его сознание швырнуло обратно в реальность.

И в ту же секунду над самым его ухом прошелестел вкрадчивый, торжествующий голос:

— Тюремная обитель... Врата, отворитесь!

Тело сковало мертвой хваткой. Хара чувствовал, как колоссальные потоки проклятой энергии, рожденные его яростью и отчаянием, мгновенно угасают под действием непреодолимой печати. Сила просто отказывалась ему повиноваться.

Ему не требовалось поворачиваться — круговой обзор Шести Глаз во всех подробностях запечатлел фигуру за спиной. Это был мужчина средних лет, чью макушку обезображивал уродливый шрам от хирургических стежков.

Память услужливо выудила из кучи бесполезных сведений личность этого человека. Один из старейшин Главного совета, лоббируемый кланом Камо, — типичный консервативный хрыч из касты закоренелых ретроградов. Но на статус марионетки Харе было плевать. Как и на памятные швы, которые он уже мельком видел давным-давно, когда ему было всего тринадцать. Он лишь хрипло спросил:

— Что за дрянь ты сейчас применил? То, что я увидел... что это было?

Овладевший чужим телом Кэндзяку мягко, почти ласково улыбнулся:

— Понятия не имею, какую именно картину подкинуло тебе провидение, но уверяю: она абсолютно реальна. Мне стоило больших трудов отыскать дитя с врожденным даром прорицания и пустить его под нож ради создания этого артефакта. Жаль, конечно, вещь получилась одноразовой.

С приходом в этот мир двух носителей Шести Глаз вековые весы равновесия треснули и рухнули. Мир содрогнулся: по всей Японии начали лавинообразно рождаться как немыслимые по силе проклятия, так и уникальные самородки-шаманы.

Используя шпионскую сеть Черной организации, Кэндзяку сумел выследить ребенка, у которого едва проявилась способность заглядывать за завесу времени. Первым его порывом было вырастить сосуд, чтобы затем переселить свой мозг в его голову и навеки овладеть столь ценным даром.

Однако пробные сеансы разочаровали древнего кукловода. Малыш, чей потенциал еще не раскрылся, не мог выдать четких предсказаний касательно близнецов Годжо. Пророчество выходило смазанным, но в одном оно было непреклонно: Кэндзяку ждало сокрушительное, позорное поражение.

Конечно, Кэндзяку мог бы просто затаиться. Переждать, пока эти аномальные близнецы состарятся и благополучно отправятся на тот свет — терпения ему было не занимать. Но



судьба распорядилась иначе. Слияние Тэнгэна с Сосудом звездной силы сорвалось, запустив необратимый процесс эволюции великого барьера. Если медлить еще несколько десятков лет, Тэнгэн перейдет на такой уровень бытия, где подчинить его волю станет принципиально невозможно.

У него не оставалось выбора. Либо брать быка за рога прямо сейчас, либо навсегда похоронить план, который он вынашивал целое тысячелетие.

Цель была грандиозной: подчинить Тэнгэна, перекроить реальность и вернуть человечество в золотой век проклятий — эпоху Хэйан. И на пути к этой великой мечте неодолимой стеной высились два сильнейших шамана современности.

Обычно Кэндзяку избегал открытых конфликтов с монстрами такого масштаба. Его излюбленная стратегия — выживать в тени, собирая плоды чужих ошибок, пока соперники не сгниют в могилах. Но эволюция Тэнгэна диктовала свои правила. Время играло против него.

Одолеть Шесть Глаз в бою лоб в лоб — задача за гранью возможного. Кэндзяку хорошо помнил свою попытку убрать одного из братьев, когда тем едва исполнилось тринадцать. Тот провал едва не стоил ему жизни: Хара загнал его в угол и почти стер его душу в порошок. Не будь древний маг параноидально осторожен, не подготовь он заранее запасные тела для аварийного переноса разума, его тысячелетний путь оборвался бы еще тогда, в подворотнях Токио.

Урок был усвоен. К новой встрече Кэндзяку подготовился с дотошностью безумного гроссмейстера.

Он досконально изучил психотипы близнецов. Хара был прагматичен, жесток и невероятно умен; единственной его слабостью был Сатору, ради которого он был готов сжечь весь мир. Сам же Сатору, хоть и обладал гениальным умом, вырос под опекой старшего брата излишне прямолинейным. Он презирал интриги и не ждал ударов в спину.

Против Сатору интриги работали безотказно. Но чтобы разыграть эту карту, сначала требовалось изолировать и нейтрализовать Хару. Поэтому Тюремная обитель — величайший запечатывающий артефакт — предназначалась именно для Годжо Хары.

План был безупречен: как только Хара окажется в темнице, верный союзник Ураумэ похитит семью Фусигуро Тодзи. Поставив на кон жизнь его жены и ребенка, они заставят этого Небесного тирана отдать Аmano Сакахоко — единственное оружие, способное разорвать печать Тюремной обители.

В ходе сбора информации Кэндзяку с удивлением выяснил, что беглый отпрыск клана Дзэньин обзавелся семьей, взял фамилию супруги и теперь числится как Фусигуро Тодзи, а его благоверная преспокойно работает в одной из подставных фирм концерна Годжо. Пазл мгновенно сложился. Смерть Эри Фусигуро много лет назад оказалась инсценировкой. Нет сомнений, ее спас и укрыл лично Годжо Хара.

Какое счастье, что вскоре после того, как он наложил смертельное проклятие на Эри, ему пришлось сменить оболочку и занять тело Каори Итадори, чтобы вместе с Дзином зачать и выносить их великое творение — Юдзи. Новая плоть надежно оборвала все магические нити, связывавшие его с наложенным проклятием, лишив Шесть Глаз малейшей возможности выследить автора по остаточной проклятой энергии. Иначе Хара нашел бы его еще в те годы.

Но раз Эри выжила, вся последующая история с покушением Тодзи на Сосуд звездной силы и «успешным» выполнением заказа Ассоциации сосуда времени выглядела как грандиозный, разыгранный по нотам спектакль.

Впрочем, копаться в чужих заговорах Кэндзяку не стал. Какая разница, о чем там договорились Тодзи и Хара? Главное — результат. Тэнгэн не слился с Аманай Рико, барьер рухнул, началось перерождение. В этой промежуточной фазе великое божество уподобилось по структуре обычному проклятию, а значит, его можно было подчинить.

Изначально его план строился вокруг захвата тела Сугуру Гэто. С его техникой манипуляции проклятиями подчинение Тэнгэна превратилось бы в минутную забаву. Но Хара и тут переломал ему все планы. Он удержал Гэто от падения во тьму, не дав тому стать изгоем. Окруженный защитой клана Годжо, командующий целой армией подвластных проклятых духов особого ранга, Гэто практически не покидал стен Главного совета магов. Подступиться к нему для убийства было невозможно.

К счастью, Манипуляция проклятиями не являлась единственным ключом к успеху. Безусловно, с ней было бы проще, однако за тысячу лет Кэндзяку подготовил несколько обходных путей.

Мир магов знал немало способов подчинения потусторонних сил. Существовали шаманы, чьи врожденные техники позволяли насильно превращать сильных проклятых духов в покорных шикигами. Да, у них стояли жесткие лимиты на количество рабов, и они не шли ни в какое сравнение с бездонным потенциалом Гэто, но для финального аккорда этого вполне хватало. Кэндзяку уже запер в своем тайнике одного из таких бедолаг, планируя использовать его плоть как резервный сосуд. Вдобавок он привлек на свою сторону новорожденных проклятых духов стихий, легко сыграв на их наивном желании стать «истинными людьми».

Оставалось главное — убрать с доски две фигуры, способные перевернуть всю партию. Близнецов Годжо.

Для этого Кэндзяку одновременно опустил Завесы над Сибуйей и Киото, вынудив братьев разделить и отправиться в расставленные для каждого капканы.

В Сибуйе Сатору ждал теплый прием: Кэндзяку натравил на него двух мощных проклятых духов стихий — Угина, рожденного из первобытного страха перед бесконечным небом, и Дагона, соткавшегося из ужаса перед океанской бездной. Для верности к ним присоединились боевики Черной организации и наемные проклинатели. Устроив кровавую бойню среди запертых в метро гражданских, они лишили Сатору возможности использовать технику Безграничности на

полную мощность, связав его по рукам и ногам.

Против Хары же вышли двое старейших и наиболее грозных стихийных проклятых духов: Дзёго, воплотивший ярость земных недр, и Ханами — дитя гнева увядающих лесов. Изначально их должно было быть трое. Из страха человечества перед ураганами некогда родился дух бури, но Хара стер его с лица земли еще четыре года назад, так и не дав Кэндзяку возможности переманить монстра под свои знамена. Двух оставшихся, наиболее ценных проклятых духов с уникальными ментальными техниками, Кэндзяку приберег на финал. Бросать их в пекло в качестве пушечного мяса было бы верхом глупости — близнецы стерли бы их за секунды, разрушив весь замысел.

То, что Хара играючи прикончит Дзёго и Ханами, Кэндзяку предвидел с самого начала. Их гибель была запланированной жертвой, призванной усыпить бдительность сильнейшего шамана после легкой, как ему покажется, победы.

Настоящим же капканом послужил безумный теракт Пламени. Сотни запятанных в декорации бомб создали идеальную точку уязвимости.

Обычные саперы не успели бы обезвредить такое количество жидких двухкомпонентных зарядов. Единственным, кто мог мгновенно нейтрализовать угрозу, оставался Годжо Хара, способный виртуозно запечатать взрывную волну внутри бесконечного пространства Мукагэн.

Но физика Безграничности сурова: в тот миг, когда маг сжимает пространство вокруг стороннего объекта, его собственный пассивный барьер отключается. Хара должен был изолировать детонацию внутри карманного измерения Безграничности. Разумеется, он не мог запереть там себя вместе со взрывчаткой — а значит, на долю секунды его тело становилось абсолютно уязвимым для внешнего мира.

Разумеется, древний маг не был настолько наивен, чтобы пытаться убить Хару простым ударом в спину в этот момент. Напротив, лишившись автоматического щита, шаман обострил свои чувства до предела. Любая физическая атака была бы мгновенно отражена.

Ему и не требовалось проливать кровь. Целью Кэндзяку было навязать разум соперника артефакту, созданному из души казненного ребенка-прорицателя. Ждать, пока сосуд созреет и разовьет свою технику до пиковых значений, у него не было времени — на это ушли бы годы. Поэтому он пожертвовал будущей оболочкой, превратив еще живой источник силы в одноразовый проклятый инструмент. Из-за слабости детского дара Кэндзяку пришлось выкрутить мощност заклѳтия на максимум, спалив артефакт ради одной-единственной, но гарантированной попытки погрузить разум Хары в транс.

Так в его руках оказался идеальный ментальный капкан — одноразовый ключ к подсознанию, транслирующий абсолютно достоверные фрагменты грядущего. Преодолеть пассивный барьер Безграничности это проклятие не могло. Кэндзяку терпеливо выжидал заветную долю секунды, когда Хара добровольно разомкнет защиту, чтобы активировать ловушку.

Глядя на застывшего шамана, Кэндзяку гадал: какую именно сцену из грядущего вырвал из хаоса времен детский разум? Чью судьбу?

Что могло заставить это холодное, расчетливое чудовище испытать столь дикий, первобытный ужас? Проклятая сила Хары полыхнула такой безумной, концентрированной ненавистью, что на миг затмила все эманации полыхающего города.

Но это было лишь на руку заговорщику. Главное условие активации Тюремной обители — удержать цель в радиусе четырех метров в течение одной минуты. Одной минуты в мыслях жертвы. Пока Хара переживал весь этот кошмар в своем сознании, для его разума миновала целая вечность. Условия запечатывания были выполнены безупречно.

Врата Тюремной обители с глухим, чавкающим звуком сомкнулись на теле величайшего мага, намертво блокируя любые попытки воззвать к проклятой энергии. Кэндзяку опустил взгляд на куб, в котором теперь билось плененное сознание его злейшего врага. На его губах заиграла тихая, торжествующая улыбка.

Партия была сыграна.

<http://bllate.org/book/19549/2004371>